

Чанг Чинг-гво. Концепт НАДЕЖДА в русской и китайской языковых картинах мира в свете сопоставительного лингвокультурологического анализа / Чанг Чинг-гво // Научный диалог. — 2018. — № 11. — С. 76—91. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-76-91.

Chang Ching-Gwo. (2018). Concept NADEZHDA (HOPE) in Russian and Chinese Language Pictures of the World in the Aspect of Contrastive Linguo-Culturological Analysis. *Nauchnyy dialog*, 11: 76-91. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-76-91. (In Russ.).

УДК 811.161.1'37+811.581'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-76-91

Концепт НАДЕЖДА в русской и китайской языковых картинах мира в свете сопоставительного лингвокультурологического анализа

© Чанг Чинг-гво (2018), orcid.org/0000-0002-2245-8042, кандидат филологических наук, доцент факультета русского языка и литературы, Тамканский университет (Новый Тайбэй, Тайвань), 114804@mail.tku.edu.tw.

Представлен сопоставительный лингвокогнитивный анализ русского уникального культурного концепта НАДЕЖДА и соответствующего китайского концепта. Цель исследования — комплексное описание содержательных и структурных особенностей вербального воплощения концепта НАДЕЖДА в аспекте русско-китайских языковых соответствий. Методологической базой исследования является лингвокультурологический подход. Проводится лингвокогнитивный анализ концептуального содержания и языковой объективации концепта. Материал для исследования — данные русских и китайских толковых словарей, а также русских этимологических словарей. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его основных результатов в вузовском преподавании русского языка как иностранного для китайских аспирантов и студентов, а также в теории и практике создания словарей концептов и лингвокультурных тезаурусов. Показано, что в принципе все смысловые компоненты русского концепта НАДЕЖДА имеются в китайском языке, но реализованы в разных, не соотносимых по смыслу и исторически словах. Если русский концепт НАДЕЖДА восходит к идее опоры и оплота, то китайский концепт акцентирует проспективную семантику на основе пространственных представлений. Также в языковом воплощении сопоставляемых концептов закономерно отражаются разные культурные реалии русского и китайского мира. Делаются выводы о том, что русский концепт НАДЕЖДА связан с концептами ВЕРА и СУДЬБА, вместе с ними выражая ключевую идею русской лингвокультуры о непредсказуемости мира,

тогда как соответствующий китайский концепт соотнесен с идеей Срединного Пути и умеренности, больше ориентирован на концепт НОРМА.

Ключевые слова: концепт ВЕРА; сопоставительный лингвокогнитивный анализ; лингвокультурология; русский язык; китайский язык.

1. Введение

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу русского культурного концепта НАДЕЖДА и соответствующего китайского концепта.

В последнее время в современной русистике отмечается значительная активизация исследований, посвященных анализу ключевых понятий национальной культуры. Н. Д. Арутюнова в предисловии к сборнику статей «Логический анализ языка: Культурные концепты» (1991) обосновывает мысль о том, что для того, чтобы познать особенности бытия человека в культуре, «нужно проанализировать метаязык культуры, и прежде всего ее ключевые термины, такие, как “истина” и “творчество”, “долг” и “судьба”, “добро” и “зло”, “закон” и “порядок”, “красота” и “свобода”. Эти понятия существуют в любом языке и актуальны для каждого человека...» [Арутюнова, 1991, с. 3]. Эти «мировоззренческие понятия» в современном гуманитарном знании получили терминологическое обозначение *культурные концепты* [Логический ..., 1991], *концепты культуры* [Степанов, 1997] или *лингвокультурные концепты* [Воркачев, 2004].

Как пишет В. Н. Телия, большинство языковых значений так или иначе соотнесены с тем или иным культурным кодом, который как-то «вычитывается» в словах и выражениях естественного языка в речевой практике этноса [Телия, 1996]. Поэтому необходимо изучать именно языковое воплощение указанных ключевых понятий культуры. Ведь в языке отражено национальное своеобразие «языковой картины мира» этноса, специфика отношения к миру и моделей поведения, присущих данной культуре [Зализняк, 2005], уникальность национального языкового менталитета [Радбиль, 2016].

Не менее важным в связи с этим представляется и сопоставительное изучение разных «языков национальной культуры», при котором этническая и культурная обусловленность мировидения и системы ценностей, отраженных в языке, становится наиболее очевидным, так как верифицируется объективным фактом наличия существенных сходств или, наоборот, различий в языковом выражении важных для этноса культурных смыслов. Не вызывает сомнения теоретическая и практическая ценность исследований подобного рода, с одной стороны, для более глубокого понимания собственной национальной идентичности, а с другой — в плане поиска

оптимальных моделей кросс-культурной коммуникации, «диалога культуры» и пр.

2. Цель, материал, методологическая база и методы исследования

Концепт НАДЕЖДА по праву считается одним из важнейших концептов в русской языковой картине мира. Как пишет Э. Лассан, «несмотря на общечеловеческий характер чувств, к которым принято относить и надежду, знаковая сущность «надежда» играет в русском языковом сознании и культуре особую роль, позволяющую на этом основании говорить об особенностях национального сознания» [Лассан, 2008, с. 38]. Концепт НАДЕЖДА входит в качестве срединного члена в состав знаменитой «русской триады» ВЕРА — НАДЕЖДА — ЛЮБОВЬ, см., например, заметки Г. Дьяченко «Вера, Надежда, Любовь: катехизические поучения» [Дьяченко, 1993]. Вместе со словами *Вера* и *Любовь* слово *Надежда* является одним из самых распространенных русских личных женских имен, что еще раз подчеркивает его значимость.

Издавна НАДЕЖДА была объектом самого пристального интереса для всех русских людей, что отражено в русском фольклоре (фразеологизмы, пословицы и поговорки, сказки и пр.), в трудах философов, религиозных и общественных деятелей, просветителей и писателей и пр. Научное осмысление категории «надежда» было связано прежде всего с философскими, психологическими, литературоведческими исследованиями. В последнее время мы наблюдаем активизацию интереса к этому вопросу и среди лингвистов.

Комплексное синхронно-диахронное изучение концепта НАДЕЖДА было осуществлено в диссертации Е. А. Кругликовой [Кругликова, 2004]. Контексты овеществленного и одушевленного представления концепта НАДЕЖДА на народно-мифологической основе проанализированы в статье М. В. Пименовой «Метод описания концептуальных структур (на примере концепта *надежда*)» [Пименова, 2011]. Оригинальный опыт применения метаязыка семантических толкований А. Вежбицкой к национально-специфичному концепту НАДЕЖДА реализован в работе Э. Лассан «Концепт “надежда” в русской языковой картине мира», где делается вывод о связи концепта НАДЕЖДА с концептом СУДЬБА [Лассан, 2008]. Также о взаимосвязанности НАДЕЖДЫ и других членов триады — ВЕРЫ и ЛЮБВИ пишет Т. Б. Радбиль в книге «Основы изучения языкового менталитета» [Радбиль, 2016].

В целях нашего исследования важно указать и на активизацию сопоставительных исследований. О русско-английских параллелях в области

языковой объективации концептов НАДЕЖДА и НОРЕ в русской и английской языковых картинах мира говорится в диссертационном исследовании Е. А. Мошиной [Мошина, 2005], о своеобразии немецкого представления о надежде пишет И. В. Борисовская [Борисовская, 2017]. Однако вопрос о сопоставлении языкового воплощения концепта НАДЕЖДА в таких разных лингвокультурах, как русская и китайская, в науке о языке еще не изучался. Думается, что данное исследование отчасти восполнит этот пробел.

Цель исследования — комплексное описание содержательных и структурных особенностей вербального воплощения концепта НАДЕЖДА в аспекте русско-китайских языковых соответствий.

Методологической базой исследования является лингвокультурологический подход, разработанный в трудах [Арутюнова, 1991; Вежбицкая, 1996; Телия, 1996; Степанов, 1997; Воркачев, 2004; Зализняк, 2005; Радбиль, 2016 и 2017 и др.]. Лингвокультурологические исследования концептов национальной культуры в наши дни являются одним из самых главных научных инструментов, с помощью которых мы можем проникнуть в глубинное культурно-значимое содержание, стоящее за словами и выражениями, моделями и категориями национального языка и связанное с выражением особенностей мировосприятия, системы идеалов и ценностей, коммуникативных моделей и речеповеденческих установок этноса.

Конкретным методом, использованным в работе, выступает метод сопоставительного лингвокогнитивного анализа концептуального содержания и языковой объективации концепта, основанный на выявлении национально-культурной специфики языковой концептуализации мира, которая отражена в парадигматических, синтагматических и деривационных связях и отношениях, в ассоциативном и коннотативном потенциале сравниваемых единиц и пр.

Материал для исследования — данные основных русских и китайских толковых словарей, а также русских этимологических словарей [БТСКЯ, 1982; ИТСКЯ, 2015; СД, 1999; СЕ, 2000; СО, 1993; СУ, 1996; ТСРЯ, 1986; ЭСРЯФ, 1986].

Практическая значимость исследования состоит в том, что его основные результаты могут быть использованы в вузовском преподавании русского языка как иностранного для китайских аспирантов и студентов — как в Китае, так и в России. Также полученные данные могут быть применены для теории и практики создания словарей нового типа — словарей концептов (в том числе — двуязычных) и лингвокультурных тезаурусов.

3. Семантическое наполнение и смысловой объем концепта НАДЕЖДА в русском языке

В русской культуре издавна существует представление об особой важности, значимости, ценностной маркированности концепта НАДЕЖДА наряду с другими соотносимыми с ним концептами ВЕРА и ЛЮБОВЬ. Именно вписанность концепта ВЕРА в систему всех доминантных русских культурных концептов во многом обусловила своеобразие рецепции надежды в русской культуре.

Так, например, концепт НАДЕЖДА связан с концептом ВЕРА, что отражается в словарном толковании существительного *надежда* через идею веры: «НАДЕЖДА — вера в возможность осуществления чего-то радостного, благоприятного» [СО, 1993]. В свою очередь, глагол *надеяться*, по мнению В. И. Даля, связан с другим базовым русским концептом, о котором писала еще А. Вежбицкая [Вежбицкая, 1996], — с концептом *авось*: «НАДЕЯТЬСЯ — на что, верить, уповать, не сомневаться, ожидать с уверенностью, считать исполнение своего желанья вероятным; это частица *авось*, выраженная глаголом» [СД, 1999]. К этому же выводу приходит и Э. Лассан, рассматривая корреляцию концептов НАДЕЖДА и СУДЬБА [Лассан, 2008, с. 50].

Наши наблюдения подтверждает и материал книги Т. Б. Радбиля «Основы изучения языкового менталитета», где дается следующая краткая характеристика концепта НАДЕЖДА: «Русский уникальный концепт *надежда* связан с *верой* (1), что видно уже из его словарного толкования ‘**вера** в возможность осуществления чего-нибудь радостного, благоприятного’. Этим он отличается от соответствующих концептов в английском (*hope*) или во французском (*espérance*): в русском слове отсутствует имеющийся в этих словах компонент смысла ‘уверенность в возможности осуществления’. Русский концепт *надежда*, в ряду других русских ключевых представлений, отражает идею непредсказуемости и неконтролируемости — сравним русский возвратный глагол *надеяться* (где состояние замкнуто в сферу субъекта и не переходит на объект) и английский переходный глагол *hope*, отражающий представление об активности действия и его направленности на объект (надежды)» [Радбиль, 2016, с. 247].

М. В. Пименова также помещает НАДЕЖДУ в круг значимых для этноса культурных смыслов: «Для русского языкового сознания свойственно чувственное начало, которое предопределяет исход событий в жизни. Человек может сделать невозможное, если это действие предваряется наличием надежды (*есть надежда на что / на кого; (не) существует надежда на что / на кого*)» [Пименова, 2011, с. 87]

Фундаментальность этого представления для русского мира берет свое начало в глубокой древности, о чем свидетельствует анализ этимологических данных. В этимологическом словаре М. Фасмера слово *надежда* (старославянизм, древнерусский вариант *надежа*) рассматривается как отглагольное существительное от *надеяти*, которое, в свою очередь, восходит к *деть* 'класть, положить' [ЭСРЯФ, 1986]. Надежда — это то, на что ставят, кладут, то есть опора. Отражение представления об опоре видим и в словаре В. И. Даля: «Надеянье ср. надея, надеюшка, надежда, надежа: упование, состоянье надеющегося; **опора, прибежище, приют**; отсутствие отчаянья, верящее выжиданье и призыванье желаемого, лучшего; вера в помощь, в пособие» [СД, 1999].

Идея опоры, оплота наиболее явным образом сохранилась в современном значении прилагательного *надежный* — 'тот (то), на кого (на что) можно положиться', которое является однокоренным с *надежда* / *надеяться*.

Мы полагаем, что для концепта НАДЕЖДА имеется два базовых лексических репрезентанта — глагол *надеяться* и существительное *надежда*. Такое двухкомпонентное представление концепта вполне соответствует двум ипостасям НАДЕЖДЫ в русской лингвокультуре: (1) НАДЕЖДА мыслится как интенциональное (внутреннее) состояние человека, что обычно выражается акциональным (глагольным) предикатом; (2) НАДЕЖДА мыслится как переживаемое человеком сложное психологическое чувство («окультуренная эмоция»), выступающее в качестве результата испытываемого внутреннего состояния, что обычно выражается абстрактным именем существительным.

По глаголу *надеяться* (*на*) исследование таких словарей, как [СЕ, 2000; СО, 1993; СУ, 1996], дало следующие когнитивные признаки концепта (приводим в обобщенной форме): (1) Рассчитывать на что-либо, возлагать надежду на что-нибудь; (2) Полагаться на кого-нибудь, быть уверенным в ком-либо; (3) В значении вводного слова *надеюсь* (модальность слабой степени уверенности говорящего).

Нетрудно видеть здесь общий смысловой компонент предположения, которое основано на субъективных ощущениях, но при этом не подкреплено логической аргументацией. Внутреннее состояние, описываемое глаголом *надеяться*, обращено всегда в будущее, оно проспективно, также содержит в себе некий элемент непредсказуемости, что, собственно, и связывает его с концептом АВОСЬ. При этом объектом надежды может быть как одушевленное существо, так и неодушевленная сущность.

При этом важно, что *надеяться* можно, скорее, на что-то хорошее, нежели на что-то плохое, как, например, в случае с концептом ВЕРА в гла-

гольной языковой реализации *верить*, что отмечалось, например, в работе М. Г. Селезнева: «Отметим, прежде всего, некую “несимметричность” веры по отношению к добру и злу: предмет веры — скорее нечто хорошее, нежели нечто плохое» [Селезнев, 1988, с. 247].

По существительному *надежда* исследование таких словарей, как [СЕ, 2000; СО, 1993; СУ, 1996], дало следующие когнитивные признаки (приводим в обобщенной форме): (1) Вера в возможность осуществления чего-н. радостного, благоприятного; (2) Ожидание чего-нибудь благоприятного, в сочетании с уверенностью в его осуществлении; (3) То, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот; (4) Тот (или то), кто должен (что должно) принести успех, радость, благополучие; (5) (в фразеологизме *подавать надежду / -ы*): проявлять способности в начале какой-нибудь деятельности; (6) (в фразеологизме *вся надежда на кого-что* (разг.)): помочь, выручить может только кто-что-н.

Здесь снова отмечается связь надежды и веры, а также, вопреки выводам Т. Б. Радбиля, мы видим компонент ‘уверенность в осуществлении’, возможно, он развивается как семантическая калька с западных языков. Также важными смысловыми компонентами представляются (1) идея ожидания, отражающая перспективный характер надежды, ее устремленность в будущее, а также (2) связь чувства надежды с чем-то благоприятным (успех, радость, благополучие). Еще один семантический компонент надежды соотносит ее с идеей *надежности*, то есть смыслом «то, на что можно положиться»: с этим связаны производные смыслы — способности как условие надежности, помощь как результат надежности и пр.

Ср. в этом плане выводы Е. А. Мошиной о двух базовых смысловых пластах в языковом воплощении этого концепта: «1. Ожидание с уверенностью осуществления / вера; 2. Тот (то), на кого (что) надеются, можно опереться, оплот» [Мошина, 2005]. О трех ипостасях надежды говорит и Э. Лассан: (1) сложная ментальная установка, установка сознания, объединяющая предикаты *хотеть, знать, думать, умозаключать, чувствовать* и выражающая направленность в будущее; (2) психологическое чувство, основанное на доверии: тот, на кого можно надеяться, опереться; оплот; (3) эмоциональное состояние: тот (или то), кто должен (что должно) принести успех, радость, благополучие в актуально плохой ситуации [Лассан, 2008]. М. В. Пименова, в свою очередь, заключает, что «прототипическая ситуация надежды отображает национальное видение мира, которое специфицируется в виде четырёх блоков: НАДЕЖДА — ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ (оптимизм, пессимизм); НАДЕЖДА — ПОВЕДЕНИЕ (неуверенность, решительность); НАДЕЖДА — СОВМЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ (помощь,

поддержка, труд, победа, встреча, деяние, спасение); НАДЕЖДА — ЧУВСТВО (сочувствие, счастье, скрываемые чувства, желание, стремление)» [Пименова, 2011, с. 93].

Таким образом, в результате исследования словарей по двум словам — репрезентантам концепта *надежда* и *надеяться* — мы получаем следующий набор когнитивных признаков, который можно считать смысловым ядром концепта НАДЕЖДА.

1. Вера в возможность осуществления чего-н. радостного, благоприятного;
2. Ожидание чего-нибудь благоприятного, в сочетании с уверенностью в его осуществлении;
3. То, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот;
4. Тот (или то), кто должен (что должно) принести успех, радость, благополучие;
5. Проявление способностей в начале какой-нибудь деятельности;
6. Вера в возможную помощь, поддержку;
7. Состояние рассчитывания на что-либо;
8. Состояние уверенности в ком-нибудь;
9. (для функции вводного слова *надеюсь*) выражение субъективной модальности слабой степени уверенности говорящего в чем- / ком-либо;
10. (для глагола в функции пропозициональной установки: *Надеюсь, что Р.*) предположение о соответствии пропозиции (положения дел = Р.) некоему идеалу (чему-то хорошему) или устремлениям субъекта пропозициональной установки.

4. Концепт НАДЕЖДА в контексте русско-китайских языковых соответствий

Комплекс идей, связанных с понятием «надежда», также активен и в китайской языковой картине мира, что, скорее всего, отражает универсальные общечеловеческие аспекты соответствующего концепта. Однако, по нашим наблюдениям, этот концепт в языковой картине мира китайцев не носит столь всеобъемлющего характера, как в русской языковой картине мира, хотя все смыслы, которые объединены в русском языке в слове *надежда*, разумеется, присутствуют и в китайском языке, но средствами их выражения являются разные корни, не связанные ни семантически, ни генетически.

Иными словами, разные смысловые компоненты, соответствующие составляющим русского концепта НАДЕЖДА, отраженным (этимологически или синхронически) в русских словах *надежда* и *надеяться*, в ки-

тайском языке вербализуются разными корнями: 望 [ван4], 希 [си1], 願 [юань4], 期 [ци1], согласно данным словарей [БТСКЯ, 1982; ТСРЯ, 1986; ИТСКЯ, 2015].

Так, русский глагол *надеяться* (на что-то благоприятное) коррелирует с глаголом 望 [ван4]. Это доказывается тем, что при переходе в существительное этот корень как раз и означает что-то близкое к русскому *надежда* в значении ‘желание, мечта’. Однако и здесь можно заметить специфику китайской языковой картины мира, отражающей повышенную роль статусных, официальных отношений между людьми: слово со значением ‘желание, мечта’ во втором значении значит уже ‘репутация’. Специфику китайских культурных реалий выражает еще одно значение этого существительного ‘15-ое число каждого месяца по китайскому лунному календарю’. Возможно, в особой положительно-оценочной выделенности даты середины месяца сказывается конфуцианская модель Срединного Пути, идеал умеренности, пронизывающий всю китайскую культуру [Тань Аошуан, 2004].

Еще одно различие связано со следующим обстоятельством. Если русский глагол в этом значении, как мы говорили раньше, восходит к идее опоры, оплота, то китайский вариант первым значением имеет идею ‘смотреть вдаль’, то есть на первый план выходит именно проспективный характер представления о надежде, а не опора на что-то уже имеющееся. Любопытно, что дальнейшее смысловое развитие этого корня идет в разных направлениях: с одной стороны, положительное нравственное действие ‘посещать, утешать кого-либо’, а с другой — негативное ‘винить кого-либо, жаловаться на кого-либо’. Специфику китайских представлений о человеческом возрасте отражает еще одно значение этого корня ‘приближаться к какому-либо этапному возрасту’ [Тань Аошуан, 2004].

Первичность пространственного представления, которое лежит в основе проспективного переносного значения ‘надеяться’ в китайском языке, доказывается тем, что этот корень вообще может употребляться в роли предлога с семантикой направления взгляда или движения — *в* или *на*, а также предлога со значением удаления — *от*.

Русский глагол *надеяться* (на кого-то) соотносится с двумя другими китайскими глаголами: 希 [си1¹], 期 [ци1]. Глагол 希 [си1] связан по смыслу с предыдущим глаголом 望 [ван4], что доказывает возможное объединение этих корней в одно слово — 希望 [си1 ван4]. Этот глагол содержит смысл ‘надеяться на то, что кто-кто сделает тебе что-то хорошее’ (его

1 Здесь и далее цифровой индекс в транскрипции китайских слов обозначает тон ударения.

другие значения — ‘мечтать’, ‘просить’, ‘преклоняться перед кем-либо’ и ‘медленно останавливаться’). Любопытная смысловая связь возникает при конверсии этого корня в прилагательное — прилагательное означает ‘редкий’. Возможно, это как-то связано с представлением о труднодостижимости объекта желаний, мечтаний для человека.

Глагол 期 [ци1] тоже может выступать в единой синтагме с глаголом 望 [ван4] — 期望 [ци1 ван4], он отражает такую сторону русского глагола *надеяться* и существительного *надежда*, как идея взаимопомощи и доверия: надеяться, что кто-то поможет тебе, или уверенность в ком-то. Первое значение этого слова — ‘договариваться, а существительное, на базе которого конверсивно образован этот глагол, имеет значение оговоренного времени, срока, даты, лимита. Также оно обозначает китайскую единицу измерения — *ци*. Отметим также, что именно этот корень соотнесен с русским прилагательным — производным от *надежда* — *надежный* (то есть тот, на которого можно положиться).

Глагол 願 [юань4], также могущий быть связан с базовым 望 [ван4] — 願望 [юань4 ван4], отражает еще одну ипостась русского *надеяться на кого-либо*, которую М. В. Пименова обозначает как НАДЕЖДА — ЧУВСТВО (сочувствие, счастье, скрываемые чувства, желание, стремление) [Пименова, 2011, с. 93]. Это такой блок значений, как ‘готовность или радость что-то делать’ и снова ‘преклоняться’. Не случайно, что, когда этот иероглиф обозначает существительное, это существительное имеет только одно значение — *надежда*.

Базовое, этимологически первичное значение ‘опора, оплот’, представленное в русском прилагательном *надежный*, передается по-китайски сложным корневым комплексом, никак не связанным ни семантически, ни генетически ни с одним из вышеперечисленных корней: 可靠的 [кэ3као4дэ]. В этом комплексе глагольный корень 可 [кэ3] означает: ‘соглашаться’ ® ‘подходить *(Эта рубашка мне подходит)’ ® ‘выздоровливать’ ® ‘стоять лицом к, быть обращенным в определенную сторону’ ® ‘заслуживать’. Кроме этого, данное слово легко переходит в модальные и служебные слова: ‘можно’, ‘однако’, ‘примерно’, ‘неужели’, ‘правильно’, ‘но’, а также в прилагательное со значением ‘замечательный’. Другой глагольный комплекс означает ‘преклоняться’ ® ‘верить’ ® ‘полагаться на кого-что’ ® ‘останавливаться’ (Например, *автобус останавливается на остановке*). И, наконец, служебное слово 的 [дэ¹], которое в позиции в конце предложения означает утвердительность или эмфатическое выделение сказанного.

1 Отсутствие цифрового индекса в транскрипции китайских слов означат так называемый «легкий» тон ударения.

Иначе говоря, если предыдущие корни в каких-то значениях имели пересекающиеся смыслы, то этот корневой комплекс никак не связан с концептом НАДЕЖДА, в китайском языке он осмысливается через идею годности, пригодности, то есть предназначенности для кого-либо / чего-либо. В его основе, видимо, лежит концепт НОРМЫ (СЕРЕДИНЫ), крайне важный для китайской культуры [Тань Аошуан, 2004]. Национальная специфичность китайского представления НАДЕЖДЫ в этом плане заключается в том, что тот смысл, который был для русского концепта исторически первичным, базовым, в китайском языке вообще никак не соотносится с представлениями о надежде.

5. Выводы

В целом проанализированный материал позволяет сделать некоторые важные выводы, касающиеся рецепции концепта НАДЕЖДА в русской и китайской языковых картинах мира. Данные языкового сопоставления позволяют констатировать, что в принципе весь комплекс смыслов, образующих концептуальное содержание и смысловой объем концепта НАДЕЖДА в русском языке, так или иначе присутствует и в китайском языковом материале, но распределены они по-разному.

В частности, конфигурация смыслов, выраженная в концепте НАДЕЖДА, передается по-китайски четырьмя базовыми корнями (и их комбинациями), не имеющими между собой прямых смысловых соответствий. Иными словами, в китайском языке дифференцированы такие компоненты русского концепта НАДЕЖДА (присутствующие в его содержании в синкретичном, нерасчлененном состоянии), как устремленность в будущее, уверенность в благоприятном исходе, доверие и взаимопомощь в мире людей, счастье и пр. Кроме того, такой репрезентант русского концепта, как *надежный*, в китайском языке передается сложным комплексом смыслов, имеющих в своей основе совсем иную идею — пригодности, функциональной предназначенности.

Более широко и разнообразно в китайской языковой картине мира реализована возможность переосмысления слов — репрезентантов этого концепта в роли модальных и служебных слов (в том числе предлогов и союзов). В русском языке имеется лишь одно слово в модальном употреблении — *надеюсь*.

Существенно различаются в русской и китайской языковых картинах мира исходные, исторически первичные представления о надежде. Если в русском мире НАДЕЖДА этимологически связана с идеей оплота, опоры, то в китайской языковой картине мира восприятие НАДЕЖДЫ

первоначально основано на пространственном представлении 'смотреть вдаль'.

Еще одно значимое расхождение — в китайской языковой картине мира мы не выявили наличие связи концепта НАДЕЖДА с концептом ВЕРА, играющим крайне важную роль в ментальности русских, и с концептом СУДЬБА, то есть с идеей непредсказуемости мира и неконтролируемости. С другой стороны, китайское представление о надежде обнаруживает его связь с базовыми культурными и ценностными доминантами, существенными для китайской языковой картины мира, а именно — с идеей Срединного Пути, умеренности. Также в языковом воплощении концепта НАДЕЖДА в китайской языковой картине мира отражены некоторые реалии китайской культуры, отсутствующие в русской культуре, — обозначение меры измерения, определенного периода в жизни человека и пр.

Думается, что предлагаемый в данной статье подход очерчивает определенные перспективы дальнейших исследований в области культурно-значимых русско-китайских соответствий языковой реализации ключевых концептов русской и китайской языковых картин мира, что в свою очередь позволит сделать важные выводы в плане их национального своеобразия и наметить пути к оптимальному кросс-культурному взаимодействию народов.

Источники и принятые сокращения

1. БТСКЯ — *Большой толковый словарь китайского языка* / под ред. Линь-И, Гао-Мин. — Тайбэй : Университет китайской культуры, 1982.

2. ИТСКЯ — *Исправленный толковый словарь китайского языка* [Электронный ресурс] / под ред. Сюй Сюе-Жэнь. — Тайбэй : Министерство образования Тайваня, 2015. — Режим доступа : <http://dict.revised.moe.edu.tw/cbdic/search.htm>.

3. СД — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3 / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1999. — 555 с.

4. СЕ — *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — 1213 с.

5. СО — *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : Азъ, 1993. — 955 с.

6. СУ — *Толковый словарь русского языка* : в 4 томах / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. — Москва : Терра, 1996. — Т. 3. — 712 с.

7. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка* / под ред. Ло Чжу-Фэн. — Шанхай : Шанхай Цы-Шу, 1986.

8. ЭСРЯФ — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 / М. Фасмер; пер. с нем. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. — Москва : Прогресс, 1986. — 573 с.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. От редактора : вступительная статья / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1991. — С. 3—5.
2. Борисовская И. В. Концепт «надежда» в немецкой языковой картине мира (на примере предложений изменения) / И. В. Борисовская // Диалоги без границ: язык, культура, карьера : сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 10—11 ноября 2016 г.). — Белгород : БелГУ, 2017. — С. 49—54.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. — Москва : Русские словари, 1997. — 411 с.
4. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : ИТДГК Гнозис, 2004. — 236 с.
5. Дьяченко Г, прот. Вера. Надежда. Любовь. Катехизические поучения. В 3 т. Т. 2 / прот. Г. Дьяченко. — Москва : Донской монастырь, 1993. — С. 476—697.
6. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : Сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
7. Кругликова Е. А. Диахронные и синхронные описания концепта «надежда» в русском языке : диссертация ... канд. филол. наук / Е. А. Кругликова. — Красноярск, 2004. — 186 с.
8. Лассан Э. Концепт «надежда» в русской языковой картине мира / Э. Лассан // Лингвокультурология. Очерк русской концептологии. — Вильнюс : Вильнюсский педагогический университет, 2008. — С. 30—50.
9. Логический анализ языка : Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1991. — 203 с.
10. Мошина Е. А. Сопоставительный анализ способов объективации концептов *надежда* и *hope* в русской и английской языковых картинах мира : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Мошина. — Кемерово, 2005. — 179 с.
11. Пименова М. В. Метод описания концептуальных структур (на примере концепта *надежда*) / М. В. Пименова // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия Филология, история, востоковедение. — 2011. — № 2 (37). — С. 85—93.
12. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета : учебное пособие / Т. Б. Радбиль. — Москва : Флинта; Наука, 2016. — 328 с.
13. Радбиль Т. Б. Язык и мир : парадоксы взаимоотражения / Т. Б. Радбиль. — Москва : ЯСК, 2017. — 592 с.
14. Селезнев М. Г. Вера сквозь призму языка / М. Г. Селезнев // Прагматика и проблемы интенциональности : сборник научных трудов. — Москва : ИНИОН, 1988. — С. 244—254.
15. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 989 с.

16. *Тань Аошун*. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность / Аошун Тань. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 240 с.

17. *Телия В. Н.* Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

Concept NADEZHDA (HOPE) in Russian and Chinese Language Pictures of the World in the Aspect of Contrastive Linguo-Culturological Analysis

© **Chang Ching-Gwo (2018)**, orcid.org/0000-0002-2245-8042, PhD of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tamkang University (New Taipei City, Taiwan), 114804@mail.tku.edu.tw.

The article presents contrastive linguo-culturological analysis of the unique Russian cultural concept NADEZHDA (HOPE) and the corresponding Chinese one. The purpose is to give complex description of content and structure features of verbal embodiment of the concept NADEZHDA in the aspect of Russian-Chinese language correlations. Design / methodology / approach include the following. The linguo-culturological approach is the base of the research methodology. The concrete method is the methodic of contrastive linguo-culturological analysis of conceptual content and language objectification of the concept. The material of the study is the data of basic Russian and Chinese dictionaries. Practical implications of the research are conditioned by possibility to use its results for teaching Russian as foreign language for Chinese graduate and post-graduate students. The results can be also used in the theory and practice of compiling the innovative dictionaries of concepts and linguo-cultural thesauri. Findings are that all the sense components of the Russian cultural concept the concept NADEZHDA are mainly presented in Chinese, but they are realized in different, diverged semantically and historically words. If the Russian concept NADEZHDA goes back to the idea of a stronghold, a support, the Chinese concept accents prospective semantics on the basis of spatial representations. Different cultural realities of Russian and Chinese worlds are expected to be reflected in language embodiment of compared concepts. Originality / value consists in that the analysis proves that the Russian concept NADEZHDA is connected with the other concepts VERA (FAITH) and SUD'BA (DESTINY) together with them expressing the key idea of the Russian language picture of the world about unpredictability of the universe, while the Chinese concept is corresponded with the idea of Middle Way and moderation, it is mainly oriented to the concept NORM.

Key words: the concept NADEZHDA (HOPE); contrastive linguo-cognitive analysis; linguo-culturology; Russian language; Chinese language.

Material resources

BTSKYa — Lin'-I, Gao-Min. (ed.). (1982). *Bolshoy tolkovyy slovar' kitayskogo yazyka*. Taybey: Universitet kitayskoy kultury. (In Russ.).

ESRYaF — Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Progress. 4/3. (In Russ.).

ITSKYa — Syuy, Syue-Zhen'. (ed.). (2015). *Ispravlennyy tolkovyy slovar' kitayskogo yazyka*. Taybey: Ministerstvo obrazovaniya Tayvanya. Available at: <http://dict.revised.moe.edu.tw/cbdic/search.htm>. (In Russ.).

SD — Dal', V. I. (1999). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk. 4/3. (In Russ.).

SE — Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkvo-slovoobrazovatelnyy*. Moskva: Russkiy yazyk. 2/1. (In Russ.).

SO — Ozhegov, C. I., Shvedova, N. Yu. (1993). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Az'. (In Russ.).

SU — Volin, B. M., Ushakov, D. N. (ed.). (1996). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Terra. 4/3. (In Russ.).

TSRYa — Lo, Chzhu-Fen. (ed.). (1986). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Shankhay: Shankhay Tsy-shu. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (ed.). (1991). *Logicheskiy analiz yazyka: Kulturnyye kontsepty*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1991). Ot redaktora. Vstupitel'naya statya. In: *Logicheskiy analiz yazyka: Kulturnyye kontsepty*. Moskva: Nauka. 3—5. (In Russ.).

Borisovskaya, I. V. (2017). Kontsept «nadezhda» v nemetskoy yazykovoy kartine mira (na primere predlozheniy izmeneniya). In: *Dialogi bez granits: yazyk, kultura, kar'era: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Belgorod: BelGU. 49—54. (In Russ.).

Dyachenko, G. prot. (1993). *Vera. Nadezhda. Lyubov'. Katekhizicheskiye poucheniya*. Moskva: Donskoy monastyr'. 476—697. 3/2. (In Russ.).

Kruglikova, E. A. (2004). *Diakhronnyye i sinkhronnyye opisaniya kontsepta «nadezhda» v russkom yazyke: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Krasnoyarsk. (In Russ.).

Lassan, E. (2008). Kontsept «nadezhda» v russkoy yazykovoy kartine mira. In: *Lingvokulturologiya. Ocherk russkoy kontseptologii*. Vilnyus: Vilnyusskiy pedagogicheskii universitet. 30—50. (In Russ.).

Moshina, E. A. (2005). *Sopostavitelnyy analiz sposobov obyektivatsii kontseptov nadezhda i hope v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Kemerovo. (In Russ.).

Pimenova, M. V. (2011). Metod opisaniya kontseptualnykh struktur (na primere kontsepta nadezhda). In: *Uchenyye zapiski Zabaykalskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. Seriya Filologiya, istoriya, vostokovedeniye*, 2 (37): 85—93. (In Russ.).

Radbil, T. B. (2016). *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: uchebnoye posobiye*. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).

Radbil, T. B. (2017). *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya*. Moskva: YaSK. (In Russ.).

- Seleznev, M. G. (1988). Vera skvoz' prizmu yazyka. In: *Pragmatika i problemy intensionalnosti: sbornik nauchnykh trudov*. Moskva: INION. 244—254. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kultury. Opyt issledovaniya*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Tan, Aoshuan. (2004). *Kitayskaya kartina mira. Yazyk, kultura, mentalnost'*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kultura. Poznaniye*. Moskva: Russkiye slovari. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2004). *Schastye kak lingvokulturnyy kontsept*. Moskva: ITDGK Gnozis. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).